

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	7
Введение	9
1 Смерть Сталина	13
2 Новая чистка	51
3 Сталинская паранойя и евреи.....	74
4 Кремль движется дальше	118
5 Нежданные реформы	149
6 Шанс на мир?.....	173
7 Конец начала	223
Эпилог	260
Список иллюстраций.....	268
Примечания	270

Благодарности

Работать над этой книгой мне помогал целый ряд коллег и друзей. Особенно я благодарен Хизер Маккаллум, моему редактору в издательстве Йельского университета в Лондоне, которая предложила мне идею. Пробираясь сквозь дебри исторических событий и трудности с рукописью, я нашел в ней опору и надежного друга, уверенного, чуткого и здравомыслящего. Не меньшую поддержку я получал от моих литературных агентов Робина Строса и Эндрю Нёрнберга, особенно в моменты сомнений, когда я раздумывал над тем, что необходимо сказать в книге и как лучше подойти к этому.

Очень важны для меня были советы и содействие некоторых коллег из Центра российских и евразийских исследований имени Кэтрин Вассерман и Шелби Каллома Дэвисов Гарвардского университета, бывшего моим интеллектуальным домом на протяжении более тридцати лет. Я мог смело полагаться на Марка Крамера с его превосходным знанием документов и исторических трудов рассматриваемого периода, к тому же он проявил терпение и проницательность, когда читал мою рукопись. Хью Траслоу, заведующий библиотекой Дэвис-Центра, всегда с готовностью приходил на помощь, когда требовалось отыскать редкий книжный том или сориентироваться в электронных архивных материалах. Он и другие сотрудники Библиотеки Уайденера в Гарварде обеспечили меня столь необходимой мне библиографической помощью.

Кимберли Ст. Джулиан была моим научным ассистентом, когда я только приступил к работе над проектом, а Сидни Содерберг

занималась поиском нужных мне материалов в Президентской библиотеке имени Дуайта Д. Эйзенхауэра в Абилине, штат Канзас. Я хочу поблагодарить их обоих за оказанную помощь.

Дэвид Бранденбергер из Ричмонд-колледжа был одним из тех коллег, к которым я обратился в самом начале, когда еще только размышлял над тем, как должна выглядеть книга о событиях, окружавших смерть Сталина. Я всегда с радостью принимал его отзывы, вдохновлявшие меня на продолжение работы. Еще одним источником идей и вдохновения для меня стал Максим Шрайер из Бостонского колледжа. Мой давний друг Борис Кац любезно согласился ознакомиться с фрагментами рукописи и, как всегда, выступил с честными и подробными критическими замечаниями.

Кроме того, я хотел бы поблагодарить Сергея Никитича Хрущева, который пригласил меня к себе в гости в город Кранстон, штат Род-Айленд, когда я только начинал свои исследования. Я извлек огромную пользу из нашей беседы о его отце и о пережитых им самим событиях тех роковых дней марта 1953 года. А Татьяна Янкелевич поделилась со мной яркой историей из жизни своей матери Елены Боннэр, которая едва не стала одной из жертв знаменитого «дела врачей». Джонатан Brent также предоставил в мое распоряжение большое количество материалов из своего обширного собрания документов, посвященных этому делу.

Наконец, моей жене Джилл Яноус и нашему сыну Бену пришлось вместе со мной пережить очередной период глубокого погружения в советскую историю, в течение которого я постоянно пропадал в библиотеках и проводил дни и ночи за закрытыми дверями рабочего кабинета. Их терпение и любовь неизменно являются для меня важнейшим источником эмоциональной поддержки.

Введение

Внезапная болезнь и смерть Иосифа Сталина были окружены поистине средневековой атмосферой взаимных упреков и подозрений. Стоял март 1953 года. Обитатели Кремля были охвачены страхом перед новой масштабной чисткой, жертвами которой должны были стать члены сталинского Президиума. Публичная кампания против коварных еврейских врачей-вредителей грозила распространиться на всех советских евреев. Все больше внушала тревогу напряженность в отношениях с Западом: после трех лет боевых действий война в Корее не утихала, а в разделенной Германии продолжалось противостояние американских и советских войск. На этом фоне в январе того же года в Белый дом пришла новая администрация во главе с президентом Дуайтом Дэвидом Эйзенхауэром и госсекретарем Джоном Фостером Даллесом. Они были решительно настроены на «отбрасывание коммунизма назад», но неожиданно для себя оказались лицом к лицу с наследниками Сталина и чередой непредсказуемых реформ.

И в стране, и за рубежом давних «соратников» Сталина ждало множество непростых дилемм. Они понимали, что необходимо освободить узников ГУЛАГа, прекратить дело врачей и обеспечить населению более высокий уровень жизни. Помимо прочего, они пошли на уступки Западу и провозгласили «защиту мира», что означало возобновление серьезных переговоров с целью прекращения боевых действий в Корее и снижения напряженности в Европе, в том числе в восточноевропейских странах-сателлитах, где крайности сталинской политики грозили вызвать массовые протесты против коммунистического режима.

Но прежде всего они были озабочены сохранением собственной власти. Роль Сталина в жизни страны была так велика, что его смерть вызвала у людей чувство потерянности и огромного горя. Как выразился писатель Андрей Синявский, «Сталин сидел у всех, как молоток, в голове, заодно с серпом»¹. Власти опасались, что его смерть спровоцирует панику и беспорядки, которые, в свою очередь, могут поставить под сомнение законность его преемников и авторитет однопартийной системы. Им нужно было найти способ дистанцироваться от сталинских преступлений, подчеркивая при этом, что коммунистическая партия не несет ответственности за жестокость тирана, что партию следует скорее пожалеть за то, что она пережила, чем осуждать за то, чему она аплодировала. Эта дилемма возникла сразу же после внезапной болезни вождя и сохранялась на протяжении десятилетий, когда на смену редким проблескам искренности и правды возвращалось официальное признание заслуг Сталина и его стиля руководства. Та же проблема непростого выбора отразилась на лечении Сталина, на проведении его похорон, на отношениях с Западом и на повседневной жизни в стране.

Книга начинается со смерти Сталина, затем обращается к более ранним временам — к состоявшемуся в октябре 1952 года XIX съезду партии, когда Сталин выступил со своей последней публичной речью, и далее к зиме 1952–1953 годов, когда было инспирировано «дело врачей» и началась массовая кампания против живущих в СССР евреев. В ней исследуется, как советская и американская пресса освещала смерть Сталина и как новая администрация Эйзенхауэра отреагировала на последовавшие за ней резкие перемены в Москве. В завершение я рассказываю об аресте в июне того же года Лаврентия Берии.

Смерть Сталина открыла перед его наследниками невиданные ранее возможности. Теперь они могли отменить многие принятые им политические решения и дать стране надежду на более спокойный курс. Эта смерть поставила Соединенные Штаты перед

необходимостью срочно пересмотреть свои подходы к взаимодействию со страной, в которой господствовала диктатура и которая теперь внезапно лишилась своего лидера и, казалось, была готова договариваться о перезапуске отношений с окружающим миром. По целому ряду причин и советское правительство, и правительства стран Запада оказались неспособны преодолеть накопившееся за десятки лет недоверие, которое их разделяло. Гонка вооружений шла своим чередом. Сохранялся раскол Германии и Европы. Холодная война достигла самых отдаленных уголков планеты, где напряженность между Востоком и Западом привела к прокси-конфликтам, принесшим неисчислимые страдания и разрушения. А в Советском Союзе надежда на перемены, характерная для первых месяцев после смерти Сталина, вылилась в череду обнадеживающих реформ и удручающих репрессий, и так продолжалось до тех пор, пока Михаил Горбачев не раздвинул рамки реформ настолько, что советский режим не смог этого пережить. Смерть Сталина подарила Кремлю и Западу шанс избежать мрачной реальности его кошмарных фантазий, но эта задача оказалась им не по плечу. Эта неудача преследовала мир в течение последующих десятилетий.

1

СМЕРТЬ СТАЛИНА

Рано утром в среду, 4 марта 1953 года, задолго до рассвета по московскому радио было передано ошеломившее всех заявление советского правительства, оповещавшего своих граждан и остальной мир о том, что в ночь с 1 на 2 марта Сталин перенес инсульт. Согласно тексту официального заявления, у Сталина, находившегося в своей кремлевской квартире, произошло кровоизлияние в мозг, которое вызвало потерю речи и сознания. Развился паралич правой стороны тела, а сердце и легкие перестали нормально функционировать. Власти заверили советский народ, что Сталин находится под постоянным наблюдением Центрального комитета КПСС и советского правительства и получает всю необходимую медицинскую помощь. Тем не менее каждому предстояло осознать, что серьезная болезнь товарища Сталина подразумевает более или менее длительное неучастие в руководящей деятельности. По сути это означало временное отстранение товарища Сталина от государственных дел.

В медицинском бюллетене приводились более конкретные детали диагноза, включая показания медицинских приборов, указывающих на расстройство дыхания, учащенный пульс

и тревожный уровень кровяного давления на фоне сердечной аритмии. Несмотря на то что «состояние здоровья И. В. Сталина продолжает оставаться тяжелым», врачами «проводится ряд терапевтических мероприятий, направленных на восстановление жизненно важных функций организма»². Под бюллетенем стояли подписи десятка высокопоставленных медицинских работников, включая министра здравоохранения и начальника лечебно-санитарного управления Кремля. Власти давали понять, что принимают самые эффективные меры, возможные при столь страшном диагнозе. Руководство партии контролировало работу министра здравоохранения, а сам министр, в свою очередь, лично руководил врачами, ни один из которых, если судить по фамилиям, не был евреем. Это имело принципиальное значение, потому что всего семью неделями ранее, 13 января, правительство объявило о раскрытии зловещего заговора с участием группы врачей, большинство из которых были евреями, и, как утверждалось, они были связаны с империалистическими и сионистскими организациями с целью убийства ряда советских руководителей путем злонамеренного применения своих медицинских навыков. Так выглядело печально известное «дело врачей». Теперь же болезнь постигла самого Сталина. Его преемники и ближний круг — Георгий Маленков, Лаврентий Берия, Николай Булганин и Никита Хрущев — выжидали по меньшей мере сорок восемь часов, прежде чем объявить новость. Они хотели убедиться, что окончательно договорились друг с другом о разделе партийной и государственной власти. Было важно не только успокоить население, но и — не в последнюю очередь — защитить самих себя. Они жили в постоянном страхе за собственные жизни, гадая, кого и когда, одного из них или всех сразу Сталин выберет в качестве жертвы — как это уже случилось со многими из его некогда могущественных приближенных. В этот щекотливый момент общая задача выжить стала залогом их сплоченности. И всем им была нужна уверенность в том, что Сталин вот-вот умрет. Неожиданно

его беспощадная личная диктатура закончилась. Их страх перед ним начал улетучиваться.

Состояние здоровья Сталина долгое время было предметом самых разных слухов. Кто не мечтал о его смерти! А может быть, люди просто выискивали признаки надвигающейся кончины, зная, что, если не считать смерти, ничто так не проявляет нашу человечность, как старость и болезни. Но некоторые запрещали себе даже подобные мысли. Выслушивая сообщения врачей, писатель Константин Симонов полагал «бессмысленным рассуждать о том, что такое пульс, давление, температура и всякие другие подробности бюллетеней, что они значат для состояния здоровья человека, которому семьдесят три года. Не хотелось об этом думать самому и не хотелось разговаривать об этом с другими, потому что казалось, что нельзя говорить о Сталине просто как о старом человеке, который вдруг тяжело заболел»³. Как писал в своих мемуарах Илья Эренбург, «мы давно забыли, что Сталин — человек. Он превратился во всемогущего и таинственного бога»⁴. Но сам Сталин не разделял подобных иллюзий. Ходило невероятное количество слухов о том, что он поддерживает научные исследования, направленные на увеличение продолжительности человеческой жизни, и даже помиловал известного врача Лину Штерн, осужденную в 1952 году за государственную измену и шпионаж, так как полагал, что ее работа сможет продлить его собственную жизнь⁵.

На основании заключений врачей, лечивших Сталина, и других источников информации можно хотя бы частично реконструировать его историю болезни. Сталин имел ряд телесных дефектов. Пальцы на его левой ноге были сросшимися. Лицо было испещрено отметинами, оставшимися от перенесенной в детстве оспы. Левая рука производила впечатление усохшей и не могла нормально сгибаться в локте. Есть несколько объяснений этой травмы: либо несчастный случай в детстве, после которого мальчик не получил нужного лечения, либо повреждение

левой руки во время трудных родов, ставшее причиной так называемого паралича Дюшена — Эрба. Ближе к своему пятидесятилетию Сталин стал жаловаться на тупые боли в мышцах и нервных окончаниях рук и ног, и доктора рекомендовали ему принимать лечебные ванны на курортах юга России и Кавказа. Он также страдал от головных болей и болезненных ощущений в горле. К 1936 году наблюдавшие Сталина врачи обратили внимание на трудности с походкой и сохранением равновесия и приступили к лечению начальных симптомов атеросклероза.

Считается, что вскоре после войны, в 1945 и в 1947 годах, Сталин перенес либо инфаркт, либо серию микроинсультов. В отсутствие какой-либо достоверной информации в западной прессе появилось несколько статей с домыслами о его пошатнувшемся здоровье. В октябре 1945 года в *Chicago Tribune*, *Paris Press* и *Newsweek* одновременно были опубликованы заявления, что на Потсдамской конференции летом прошлого года во время своей первой и единственной встречи с президентом Трумэнem Сталин перенес два сердечных приступа. 11 ноября французский журнал *Bref* сообщил, что 13 сентября у Сталина произошел инфаркт и что он уединился на Черном море, чтобы составить свое политическое «завещание»⁶. Что происходило на самом деле, установить сложно. 24 и 25 октября в Сочи Сталин лично приветствовал американского посла Аверелла Гарримана, и именно Гарриман заверил журналистов, что «генералиссимус Сталин находится в добром здравии и слухи о его болезни не имеют никаких оснований»⁷.

Тем не менее в послевоенные годы здоровье Сталина продолжало ухудшаться. Один иностранный дипломат, встречавшийся с ним в июне 1947 года, был поражен тем, насколько Сталин сдал с момента окончания войны. Теперь он выглядел «старым, очень уставшим человеком»⁸. По словам российского историка Дмитрия Волконогова, Сталин как минимум трижды падал в своем кабинете: два раза на глазах у Поскребышева и один

раз в присутствии членов Политбюро. Волкогонов описывал эти приступы как внезапные спазмы сосудов⁹. 19 января 1952 года, во время последнего осмотра у личного врача, кардиолога Владимира Виноградова, тот настоятельно рекомендовал Сталину поберечь себя. Вождь счел совет оскорбительным и пришел в ярость. Об этом не могло идти речи. (Позднее, осенью 1952 года, Виноградов был арестован по «делу врачей».)

Тем не менее нельзя сказать, что Сталин абсолютно пренебрегал своим здоровьем. Начиная с 1945 года (сразу после окончания войны) он ежегодно выезжал из Москвы на все более продолжительное время — вначале на два-три месяца, а затем, в 1950-м и 1951-м, на четыре с половиной. Он предпочитал жить и работать в более спокойной обстановке на одной из своих южных дач, где теплая погода и привычный кавказский климат придавали ему сил¹⁰. Находясь там, он имел возможность знакомиться с докладами и телеграммами, но при этом населению страны никогда не сообщали, что Сталина нет в Кремле. Изредка он все же следовал рекомендациям доктора Виноградова. Будучи заядлым курильщиком и постоянно имея под рукой набитую табаком трубку, он тем самым усугублял свою гипертонию и бросил курить лишь в начале 1952 года. К этому времени он также отказался от посещения парной, так как сидение в бане повышало его кровяное давление. Для лечения гипертонии он любил перед обедом выпить стакан кипяченой воды с несколькими каплями йода — совершенно бесполезная попытка самолечения.

К 1950 году на Западе многие интересовались здоровьем Сталина. На этом фоне рождались самые замысловатые слухи о его серьезной болезни или даже смерти. В марте, после того как Сталин не выступил с обычной предвыборной речью^{*}, посольство США в Москве доложило в Вашингтон, что, возможно, у Сталина

* Имеются в виду выборы в Верховный Совет СССР, состоявшиеся 12 марта 1950 года. — *Прим. пер.*

рак горла. Двумя годами позже, в январе 1952-го, американское посольство в Варшаве сообщало, что Сталин заболел, передав бразды правления «Берии, Маленкову и Молотову или Швернику»¹¹. Три недели спустя посольство США в Анкаре докладывало, что турецкий премьер-министр Аднан Мендерес уведомил американского посла о перехваченном из польского посольства сообщении о том, что Сталин «серьезно болен»¹². Еще через два дня посольство США в Москве упоминало газетные сообщения из Амстердама о том, что после перенесенной 19 декабря 1951 года операции на сердце состояние здоровья Сталина продолжает ухудшаться. Утверждалось также, что МИД в Москве предупредил сотрудников советского посольства в Амстердаме о том, что Сталин «уже не молодой человек», поэтому они «не должны тревожиться из-за перенесенной им успешной операции на сердце» и «могут ожидать подобных новостей в будущем, учитывая его возраст»¹³. Тем не менее в той же телеграмме американские дипломаты добавляли, что 21 января Сталин посетил ежегодную церемонию по случаю очередной годовщины смерти Ленина в Большом театре, на которой, как позднее напишет корреспондент *The New York Times* Гаррисон Солсбери, Сталин выглядел «совершенно здоровым и был в прекрасном настроении»¹⁴. 4 февраля только что вернувшийся из Москвы бывший посол США адмирал Алан Кирк встретился с президентом Трумэнном. Когда речь зашла о Сталине, посол подтвердил, что не располагает «конкретными сведениями об ухудшении [его] здоровья»¹⁵. Американцы хватались за любую соломинку.

Солсбери внимательно следил за всеми подобными слухами. 27 февраля 1952 года он направил в свою нью-йоркскую редакцию письмо — вероятно, оно было переправлено через границу безопасным способом, в обход советских контролирующих органов, — в котором писал, что попытается уведомить их кодированным сообщением, если узнает о смерти Сталина до того, как об этом будет объявлено официально. «Откровенно

говоря, — добавляет он, — я думаю, есть примерно один шанс из тысячи, что какая-то информация появится до официального заявления, а такое заявление почти наверняка появится за границей сразу же после того, как это произойдет внутри страны». Он также призвал своих коллег «консультироваться [с ним], прежде чем отдавать в печать какие-либо слухи [о здоровье Сталина], вроде всяких глупостей из Амстердама, опубликованных AP [Associated Press]»¹⁶.

Западные дипломаты оставались настороже в ожидании возможных перемен в самочувствии Сталина. В июне того же года посол США Джордж Кеннан сообщил в Вашингтон, что, по слухам, в ближайшее время Сталина заменят Вячеслав Молотов и Андрей Вышинский и что негласно распространяется распоряжение убирать развешанные повсюду портреты Сталина. Подобные разговоры навели Кеннана на мысль, что Сталин постепенно снимает с себя как минимум какую-то часть полномочий и что «его участие в общественной жизни становится нерегулярным и довольно поверхностным в сравнении с довоенным и военным периодом». Кеннан, который всегда выделялся среди остальных американских дипломатов философским складом ума, не мог удержаться от замечания об удивительном долголетии сталинских «соратников». «Причуды и превратности природы, как мне кажется, неестественно долго обходили эту группу людей стороной. Пришло время, когда природа должна сыграть свою любимую шутку, и ее последствия могут весьма отличаться от того, чего мы ожидаем»¹⁷. Природа действительно вмешается, но это случится только через семь месяцев.

Тем летом американские военные атташе, присутствовавшие на параде на Красной площади, докладывали Кеннану, что вместо Сталина на трибуне Мавзолея, возможно, стоял его двойник; «прочие члены Политбюро... казалось, не обращали на него внимания и бесцеремонно общались между собой в его присутствии»¹⁸. Кеннан был достаточно умен, чтобы не принять всерьез

подобное сообщение, хотя мнение, что Сталин иногда использует двойников, было широко распространено. Кеннан с нетерпением ждал вестей от нового французского посла Луи Жокса, который совсем недавно, в августе, лично встречался со Сталиным в Кремле. Жоксу и его коллегам показалось, что Сталин «выглядел очень постаревшим. По их словам, его волосы были гораздо реже, чем на портретах, лицо покрыто морщинами, а рост оказался намного меньше, чем они ожидали. У них сложилось впечатление, что его левая рука шевелится с заметным усилием и вообще все движения даются ему с большим трудом и выглядят судорожными». По завершении встречи у них осталось отчетливое ощущение, что «перед ними старик»¹⁹.

Тем не менее описания внешности и энергичности Сталина в последние недели жизни нередко противоречили друг другу. Светлана Аллилуева последний раз виделась со своим отцом в день его рождения 21 декабря 1952 года. Она отметила, как «он плохо выглядел в этот день»²⁰. Последними иностранцами, лично видевшими Сталина, были недавно назначенный посол Аргентины Луис Браво, посол Индии Кумар Падма Шивашанкара Менон, а также индийский борец за мир доктор Сайфуддин Китчлу. Браво беседовал со Сталиным 7 февраля 1953 года в течение получаса. По его словам, тот был «в отличной физической и умственной форме», несмотря на свой глубокий возраст²¹. 17 февраля Сталин лично приветствовал Менона и Китчлу. Его беседа с Меноном длилась полчаса, а затем больше часа он общался с Китчлу, которому только что была вручена Сталинская премия «За укрепление мира между народами»²². Сталин и здесь произвел на обоих впечатление человека, обладающего «превосходным здоровьем, ясным умом и [пребывающего] в прекрасном расположении духа»²³. Трудно понять, чему из сказанного можно верить. Вероятно, оба дипломата — сторонники прогрессивных взглядов с определенными симпатиями к советскому режиму — выдавали желаемое за действительное и не собирались распространяться

о том, что здоровье Сталина пошатнулось. Реальное положение дел совсем скоро окажется в центре внимания мировой общественности²⁴.

Вечером в субботу 28 февраля 1953 года Сталин устроил в Кремле посиделки в узком кругу, после чего отправился с гостями на так называемую Ближнюю дачу, расположенную в московском пригороде Кунцево. В последние годы жизни Сталин проводил здесь почти все свободное время. На территории Ближней дачи имелись розовый сад, небольшой пруд, окруженный лимонными деревьями и яблонями, и даже грядка для выращивания арбузов, чем Сталин любил заниматься на досуге. Прибывшие гости первым делом попадали в прихожую, по обеим сторонам которой располагались две раздевалки. Дверь налево вела в кабинет Сталина, где стоял огромный стол, на котором во время войны раскладывались военные карты. Сталин часто спал на диване в этом кабинете. За другой дверью, расположенной справа, начинался длинный и довольно узкий коридор, по правой стороне которого располагались две спальни. Коридор выходил на просторную открытую веранду, где Сталин иногда проводил время зимой, укутавшись в овечий тулуп и надев меховую шапку и традиционные русские валенки. Средняя дверь прихожей вела в большой прямоугольный банкетный зал, пространство которого было организовано вокруг длинного полированного стола. Именно здесь Сталин проводил торжественные банкеты или принимал членов Политбюро для заседаний и ночных обедов. Единственным украшением скромно обставленного зала со стандартными люстрами и узорчатыми коврами были два портрета на стенах — Ленина и Горького. Спальня Сталина примыкала к столовой с другой стороны, и в нее можно было войти через почти незаметную дверь, вмонтированную в стену. В спальне находились кровать, два небольших шкафа и раковина. С противоположной стороны располагалась большая кухня с вместительной печью для выпечки хлеба, скрытой за деревянной перегородкой.

Когда приступы радикулита становились особенно болезненны, Сталин любил, сняв одежду, вытянуться на закрепленной над печью доске в надежде, что тепло принесет ему облегчение.

Второй этаж, куда можно было подняться на лифте, был построен специально для дочери и ее семьи, но едва ли она задерживалась там, а сам Сталин редко туда поднимался. Большую часть времени обе комнаты стояли пустыми и неосвещенными.

Дача была задумана как место, где Сталин мог расслабиться, отвлечься от дел, прогуливаясь среди деревьев и кустов роз или кормя птиц. Время от времени он принимал здесь правительственных чиновников, а иногда и иностранных гостей, таких как Мао Цзэдун в конце 1940-х годов или Уинстон Черчилль, который останавливался на даче во время своего первого визита в Москву во время войны. В августе 1942 года он подарил Сталину радио, которое стало одним из предметов обихода. Когда Светлана Аллилуева в последний раз виделась со своим отцом, заурядные украшения на стенах неприятно поразили ее: «Странно все в комнате — эти дурацкие портреты писателей на стенах, эти “Запорожцы”, эти детские фотографии из журналов». У Сталина была привычка вырезать фотографии и иллюстрации из журналов, а затем развешивать их на стенах дачи. «А впрочем, — продолжает его дочь, — что странного: захотелось человеку, чтобы стены не были голыми; а повесить хоть одну из тысяч дарившихся ему картин он не считал возможным». После встречи с отцом она уехала расстроенная: он выглядел неважно и дача произвела на нее гнетущее впечатление²⁵.

Сталин не любил быть один. Как вспоминал о нем Хрущев, «требовалось как-то занять Сталина, чтобы он не страдал, не тяготился одиночеством, не боялся его»²⁶. Но в любой момент он мог созвать членов своего внутреннего круга, чтобы они составили ему компанию. Как уже нередко бывало, в ту роковую субботнюю ночь в Кремле Маленков, Берия, Булганин и Хрущев вместе со Сталиным смотрели фильм. Еще двое из числа давних

приближенных не получили приглашения: отсутствовали Вячеслав Молотов и Анастас Микоян. В это время они находились в опале.

После того как фильм закончился, четверо «соратников» выехали в Кунцево, чтобы составить Сталину компанию за ужином. Они пробыли там до самого утра. Это не было чем-то необычным, ведь Сталин любил задерживать их у себя на долгие часы, после чего отправлялся спать до обеда следующего дня. И на этот раз, по словам Хрущева, Сталин «был навеселе, в очень хорошем расположении духа». Он проводил их до дверей, в шутку по-дружески ткнул Хрущева пальцем в живот, назвав Микитой. «Когда он бывал в хорошем расположении духа, то всегда называл меня по-украински Микитой. Распрощались мы и разъехались. Мы уехали в хорошем настроении» — Берия с Маленковым в одной машине, Хрущев с Булганиным в другой, — «потому что ничего плохого за обедом не случилось»²⁷. Было пять или шесть часов утра.

Однако следующий день, воскресенье, начался необычно. По заведенному Сталиным распорядку охранники и обслуга ожидали, что часов в одиннадцать или двенадцать дня он вызовет их и попросит принести чаю или подать завтрак. Согласно протоколу, сотрудникам дачи было строго приказано не заходить в его помещения без приглашения, и нарушить правило они могли только на свой страх и риск. Но никаких звонков от Сталина не поступало, и из его комнат не было слышно никаких звуков — ни шума шагов, ни покашливания. Охрана продолжала ждать. После обеда они заметили, что в его комнатах горит свет. Ближе к вечеру охранники снаружи тоже видели свет из окна. Но вызовов от Сталина по-прежнему не поступало, он не просил ни чая, ни еды. По соображениям безопасности Сталин предпочитал спать в разных комнатах, полагая, что таким образом сможет запутать возможных убийц. Но эта предосторожность сбивала с толку его охрану, которая никогда не знала, где он проводит ночь.

По словам Хрущева, охранники не связались с начальством для получения инструкций и не подумали поднять тревогу, заподозрив, что со Сталиным что-то неладно. Хрущеву показалось странным, что от Сталина весь день не было звонка. Отсутствие новостей с Ближней дачи выглядело очень необычно, но, судя по всему, Хрущев не стал никому звонить и выяснять, в чем дело. После некоторых колебаний он сам отправился спать.

К десяти часам вечера охранники настолько встревожились, что решили найти предлог и послать кого-нибудь в личные помещения Сталина. Из Кремля, согласно ежедневному распорядку, прибыл пакет с почтой. Сталину требовалось просмотреть материал, а доставить ему пакет было обязанностью охраны. Поэтому они решили обратиться к горничной Матрене Петровне, чтобы она принесла пакет Сталину. Это была немолодая женщина, проработавшая у Сталина много лет. Они рассчитывали на то, что, если Сталин и удивится ее внезапному появлению в своих комнатах, она с наименьшей вероятностью вызовет у него подозрения.

Горничная обнаружила Сталина лежащим на полу в библиотеке в пижаме. Он был без сознания, а пижама пропиталась мочой. Руки и ноги ему почти не подчинялись. Пытаясь что-то сказать, он производил лишь странные жужжащие звуки. Матрена Петровна срочно вызвала охранников, которые подняли Сталина и положили на ближайший диван. В полной растерянности они связались по телефону со своим начальником, министром государственной безопасности Семеном Игнатьевым. Но тот был слишком напуган, чтобы давать какие-либо указания, и убедил их позвонить Маленкову и Берии. Они смогли связаться с Маленковым, который дал понять, что разыскать Берию будет непросто. Маленков знал о привычках Берии и предполагал, что тот может проводить время с любовницей на одной из секретных дач. У охраны не было ни адреса, ни номера телефона, по которому с ним можно было связаться. Берия сам позвонил им и, услышав новость, приказал никому не сообщать о состоянии Сталина.

Маленков также связался с Булганиным и Хрущевым, настаивая на том, чтобы они поехали на дачу.

По словам Хрущева, первыми прибыли Маленков и Берия, а вслед за ними появился и сам Хрущев. Они тихонько подошли к Сталину, то ли опасаясь потревожить его, то ли не желая разбудить, если он действительно спит. Сталин похрапывал. Тут Берия стал уверять охранников, что это обычный сон и что не нужно его беспокоить. Непосвященному может быть трудно заметить разницу между спящим человеком и человеком, который находится без сознания и практически парализован, но при этом дышит. Вероятнее всего, они понимали, что со здоровьем Сталина произошло что-то серьезное: охрана нашла его лежащим на полу и все они видели и чувствовали по запаху, что он обмочился, — и для всех причастных, для них самих в том числе, лучше дать ему умереть. Также нужно учитывать тот факт, что Сталин почти год не показывался докторам, за исключением отоларинголога, когда в апреле 1952 года сильно простудился. У него возник патологический страх перед профессиональными медиками, и по его приказу были арестованы даже его личные терапевты. На фоне недавно прогремевшего «дела врачей» Берия с Маленковым вполне могли полагать, что в отсутствие явных признаков медицинского характера им лучше не торопиться звать докторов. Если Сталин действительно просто спал, они вполне могли решить подождать до утра, когда он проснется и они смогут разобраться, что произошло, если произошло вообще. Так или иначе никто не стал сразу вызывать медицинскую помощь. Берия, Маленков и Хрущев отправились по домам. К этому времени Сталин был без сознания как минимум восемь часов, а возможно, и все восемнадцать. Этого мы никогда не узнаем.

Но охранники по-прежнему волновались. Они еще раз отправили Матрену Петровну к Сталину, чтобы оценить обстановку. Он продолжал спать, но это был очень необычный сон. Охранники позвонили Маленкову и сообщили о своем беспокойстве.

Маленков вновь позвонил Берии, Булганину и Хрущеву. Только после этого они решили поставить в известность еще двух давних руководителей партии, Климента Ворошилова и Лазаря Кагановича, и вызвать врачей.

Воспоминания Хрущева о той ночи не совпадают с рассказом Алексея Рыбина, охранника из Большого театра, которому, по его собственным словам, удалось побеседовать с несколькими телохранителями Сталина (сам Рыбин на даче не присутствовал). По словам Рыбина, телохранители утверждали, что Сталин не был пьян, что накануне — до того, как около четырех часов утра гости разъехались, — он пил только фруктовый сок*. Рыбин также писал о том, как дежуривших охранников встревожило то, что Сталин на протяжении следующего дня не попросил чай и завтрак. Однако, по его словам, послали к нему вовсе не Матрену Петровну — начальник хозяйственной части дачи Петр Лозгачев сам взялся доставить Сталину почту и проверить, все ли с ним в порядке. Именно Лозгачев обнаружил Сталина лежащим на ковре в неестественной позе на согнутой в локте руке. Сталин был почти без сознания, едва мог говорить, но поднял руку и кивнул в ответ, когда Лозгачев предложил переложить его на кушетку. Лозгачев тут же сообщил обо всем остальным дежурным.

Пока охранники ждали медицинскую помощь, они решили переместить Сталина на стоявшую рядом тахту и укрыть его одеялом; его тело было холодным, и, по их расчетам, он потерял сознание и упал примерно семь или восемь часов назад. Лозгачев оставался рядом с ним, прислушиваясь к звукам подъезжавших машин в ожидании врачей. Но вместо них около трех часов утра на дачу прибыли Берия с Маленковым. Они с большой осторожностью приблизились к Сталину, Маленков даже снял ботинки и нес их в руках. Как и в рассказе Хрущева, Сталин храпел, что

* Соком Сталин называл молодое виноградное вино малой крепости. — *Прим. ред.*

дало приехавшим основание заявить, что охрана просто запаниковала. Даже после того, как Лозгачев попытался убедить их в том, что Сталин серьезно болен, Берия настаивал, что это обычный сон, и отмахнулся от всех разговоров о болезни. Он отругал охранников за то, что их побеспокоили, и даже выразил сомнение в их профессиональной пригодности в качестве телохранителей вождя — по крайней мере, если верить Рыбину. Без одобрения этих руководителей партии у охраны не хватило смелости самостоятельно вызвать врачей. Они не собирались идти против Берии²⁸. Как заметила писательница Надежда Мандельштам, «Сталин внушал такой ужас, что никто не решался войти к нему, пока не стало слишком поздно»²⁹.

Сталин использовал все ресурсы своей империи для того, чтобы защитить себя, но эти меры предосторожности лишь увеличили его уязвимость. Когда он потерял сознание и упал, введенный им протокол безопасности помешал обслуживающему персоналу вовремя выяснить, что происходит, оказать ему помощь и вызвать врачей. Его шофер во время поездок из Кремля на дачу и обратно постоянно менял маршруты. Пока его кортеж из пяти одинаковых лимузинов, ни на одном из которых не было номеров, проделывал путь в двадцать километров от Кремля до дачи, их водители то и дело обгоняли друг друга, чтобы затруднить возможное покушение. Территорию дачи патрулировали сотни сотрудников с немецкими овчарками. На воротах было множество замков, вокруг комплекса тянулась колючая проволока, а среди персонала дачи находились телохранители. Ни одна из этих мер безопасности не помогла ему, когда он лежал несколько часов в луже собственной мочи, парализованный и не в силах закричать.

Пока Сталин находился при смерти, его преемники установили режим наблюдения за его лечением: Лаврентий Берия и Георгий Маленков дежурили в дневное время, а Лазарь Каганович с Михаилом Первухиным, Климентом Ворошиловым, Максимом

Сабуровым, Никитой Хрущевым и Николаем Булганиным — ночью, по двое одновременно. Берия взял инициативу в свои руки и пригласил Маленкова на второй этаж. Там они могли поговорить незаметно от остальных, вдали от царившей внизу суеты. В течение долгих часов они строили планы обновленного правительства, которому предстояло вскоре прийти на смену. Хрущев хорошо знал, какова энергия Берии и жажда власти, и в своих мемуарах упоминал, как во время ночных дежурств предупреждал Булганина: Берия стремится вернуть контроль над тайной полицией «для того, чтобы уничтожить всех нас. И он это сделает!»³⁰. Но на тот момент и в течение ближайших нескольких месяцев они договорились работать вместе и поддерживать видимость плодотворного единства. Бдительный и осторожный Хрущев признавал необходимость выждать.

Хотя Сталин находился без сознания, страх и тревога не оставляли всех вокруг. Врачи боялись даже приблизиться к своему пациенту. Хрущев видел, как к Сталину подошел профессор Павел Лукомский: «очень осторожно... Он прикоснулся к руке Сталина, как к горячему железу»³¹. По рассказам Рыбина, руки у врачей тряслись так, что они не могли снять со Сталина рубашку, и им пришлось срезать ее ножницами. Молодая женщина-врач сделала кардиограмму и тут же заявила, что Сталин перенес сердечный приступ. Хотя другие врачи подозревали кровоизлияние в мозг, они ужасались при мысли о последствиях в случае, если они проглядят сердечный приступ. Однако женщина-врач уехала с дачи, и дальнейших вопросов не последовало. После того как газеты объявили о заговоре с целью убийства высших руководителей Кремля, ни один врач не мог быть уверен в том, что его не обвинят в смерти Сталина.

Но помочь Сталину в его нынешнем состоянии было за пределами их возможностей. В результате инсульта он потерял сознание, его правая рука и нога были парализованы. По итогам первичного осмотра было составлено заключение, в котором

присутствовали некоторые подробности, не получившие огласки. Печень Сталина была угрожающих размеров и выступала на несколько сантиметров из-под реберного края. На правом локте отчетливо виднелась гематома — очевидный след от падения. Подняв ему веки, врачи обнаружили, что его глазные яблоки уходили то вправо, то влево, демонстрируя неспособность фокусироваться. На фоне всех этих симптомов ему сделали следующие назначения: абсолютный покой, восемь медицинских пиявок за уши, холод на голову, клизма с молоком магнезии, снять зубные протезы. Кроме того, врачи рекомендовали не пытаться кормить Сталина обычным способом, а осторожно вводить в рот жидкости с помощью чайной ложки, так, чтобы больной не поперхнулся. Требовалось также установить круглосуточное дежурство невролога, терапевта и медицинских сестер³².

Приближенные Сталина не торопились информировать население. Утром во вторник, 3 марта, они попросили врачей сделать прогноз. «Смерть неизбежна — таков был ответ, по воспоминаниям доктора Александра Мясникова. — Маленков дал нам понять, что он ожидал такого заключения, но тут же заявил, что он надеется, что медицинские мероприятия смогут если не сохранить жизнь, то продлить ее на достаточный срок. Мы поняли, что речь идет о необходимом фоне для подготовки организации новой власти, а вместе с тем и общественного мнения»³³. Врачи приняли в этом посильное участие.

Сейчас мы знаем, что проводились консультации и с другими специалистами. Один из заключенных врачей-евреев, Яков Раппорт, признанный патологоанатом, позднее рассказывал, как допрашивавшие его следователи вдруг резко сменили тон. Они начали интересоваться его мнением о лечении постинсультного состояния, выяснять, что такое чейн-стоксовское дыхание и как на него «повлиять, чтобы ликвидировать». «Я ответил, что это очень грозный, часто агональный симптом и что при наличии его в большинстве случаев необходимо умереть». Следователи также

спросили его, может ли он порекомендовать специалиста для лечения одного «важного человека». С этим у Рапопорта возникли затруднения: он просто «понятия не имел, кто из крупных специалистов еще на свободе». Когда следователь стал настаивать на ответе, Рапопорт назвал фамилии девяти врачей, и все они, как выяснилось, находились в тюрьме, как и он сам. Впоследствии он узнал, что консультации проводились как минимум еще с двумя докторами, арестованными по делу врачей. Но инсульт у Сталина оказался слишком серьезным, чтобы их советы имели значение³⁴.

К Сталину привезли его детей — Светлану Аллилуеву и Василия Сталина. Светлану вызвали прямо с урока французского, сообщив, что Маленков настаивает на ее поездке на Ближнюю дачу. «Это было уже невероятно — чтобы кто-то иной, а не отец, приглашал приехать к нему на дачу... Я ехала туда со странным чувством смятения». Лишь встретив перед домом Хрущева и Булганина, она поняла всю серьезность ситуации. Оба были в слезах. Они пригласили ее зайти в дом, где Маленков мог посвятить ее во все детали. Слушая их, она думала, что отец уже умер.

На обычно тихой даче кипела бурная деятельность, хаотичский водоворот вокруг неподвижного Сталина. «В большом зале, где лежал отец, толпилась масса народу, — писала Светлана. — Незнакомые врачи, впервые увидевшие больного... ужасно суетились вокруг. Ставили пиявки на затылок и шею, снимали кардиограммы, делали рентген легких, медсестра беспрестанно делала какие-то уколы, один из врачей беспрерывно записывал в журнал ход болезни. Все делалось, как надо»³⁵.

По словам Хрущева, один лишь Берия вел себя наглым и вызывающим образом. «Как только Сталин свалился, Берия в открытую стал пылать злобой против него. И ругал его, и издевался над ним», — вспоминал Хрущев. «Интересно, впрочем, что, как только Сталин пришел в чувство и дал понять, что может выздороветь, Берия бросился к нему, встал на колени, схватил его руку и начал ее целовать. Когда же Сталин опять потерял сознание